

ЖЕВИКА
В ДОЛИНЕ

МАРИЯ
ГУРОВА

Мария Гурова

Ежевика в долине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67600808

SelfPub; 2023

Аннотация

Что волнует любого подростка? Тристана Трувера, послушника ордена Пальеров, беспокоит его предназначение. Всю жизнь он готовился к посвящению в рыцари, но встретил в лесу фею, в которую влюбился с первого взгляда. Как выбрать между любовью и долгом, особенно, когда над миром нависла угроза Великой войны? Юноше предстоит решить: идти ли ему по пути героя или позволить себе счастливую жизнь с возлюбленной. Но есть еще одно обстоятельство, о котором Тристан узнает перед выпуском из школы... Это первая повесть из цикла о Великой войне и спящем короле. Это история о выборе, о дружбе, любви и желании быть нужным в мире, где винтовки, танки и самолёты пришли на смену мечам и щитам.

Содержание

Пролог	4
Глава I. Ягоды и коренья	11
Глава II. О том, где искать сокровища.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мария Гурова

Ежевика в долине

Пролог

Погасла керосиновая лампа, уступив комнату лунному свету. А он протянулся тусклыми прожекторами из застекленных бойниц. Один луч высвечивал сопящие носы, другой – поддегивающиеся пальцы ног, высунутые из-под одеяла, третий – ссутулившуюся на койке мальчишескую фигуру, угловатую, ссутулившуюся под шерстью наброшенного на голову пледа. Спальни послушников были похожи на казармы. Ночью пустота пространства не так давила, как дневная, озаренная солнечными лучами, аскеза. Тогда-то все было явно наперечет: семь кроватей, семь табуретов возле них, один шкаф на всех. В нем было ровно восемь полок, на семи из них лежали аккуратно сложенные короткие брюки, рубашка, гетры, свитер, галстук и портупея, а восьмая всегда пустовала. Ее ни за что нельзя было занимать, у членов ордена и школяров должно было быть всего поровну, даже если это было вот так нелогично. Семь серых кителей висели на штанге в платяном шкафу. Личных вещей у каждого послушника было мало, даже мыло и полотенца были общими. Посреди спальни стоял чугунный очаг – единственный ис-

точник тепла, не считая семерых ребят. Изо ртов шел пар, когда кто-то из них шумно выдыхал во сне. Они привыкли терпеть, выучились объяснять необходимость добровольных лишений, некоторые даже смогли воспевать свои тяготы и жертвы. Каждый в этой комнате был младше тринадцати лет, потому никто из них еще не научился заправски храпеть, как это делали старшие ребята. Избалованные беззвучными ночами, мальчишки спали чутко и ворочались, заслышав шорох. Стылый неуютный покой царил в любой из таких комнат. А еще кричащая нехватка того самого важного, в чем так нуждался каждый юноша: тишины внутри задернутого полога, любимых безделушек и непринужденного бардака. Ничего подобного здесь не находилось. Каждому послушнику ордена разрешалось хранить одну книгу и одну любую вещь. Вот и Тристан имел такую – Ситцевого рыцаря – тряпичную куклу. Игрушку еще в раннем детстве смастерил для него сэр Мерсигер, почитаемый и обожаемый школярами наставник. До того он проникался судьбами каждого ученика, что не смог обделить заботой осиротевшего Тристана. Учитель тогда взял зеленую ткань – кривой обрез ситца, что хранился у маленького Тристана – и сшил ему куклу, а вместо копья вложил в игрушечную руку обструганную и разукрашенную веточку терна. Сэр Мерсигер рассказал, что кричащего годовалого Тристана привезли завернутым в этот самый ситец, и что кусок ткани походил на наспех разрезанную юбку или платье. И Тристан всю жизнь верил, что эта

юбка или платье когда-то принадлежали его матери. Оттого он так крепко любил своего Ситцевого рыцаря. Тристан говорил:

– Вы, сэр, служите прекраснейшей из дам – моей матушке – раз носите на себе часть ее платья!

А Ситцевый рыцарь отвечал:

– Конечно, Тристан! Большая честь служить такой леди! Вот сами и поймете, как станете рыцарем.

– Вам следует быть идеальным, чтобы не посрамить ее имени, – поучал его Тристан.

– Для того и стараюсь! Я бы не посмел запятнать ее честь своими недостатками.

– А разве они у вас есть, сэр? – удивился Тристан.

– Всего один: я неживой, – ответил Ситцевый рыцарь, сотрясаемый рукой мальчика.

– Так не пойдет. Ее бы это очень оскорбило и, я уверен, расстроило.

Ситцевый рыцарь браво взмахнул копьем и закивал, подталкиваемый указательным пальцем Тристана.

– Вот и я думаю, что не пойдет. Нам должно это исправить!

В хрупкий мир под пледом ворвался голос извне.

– Тристан, что ты там делаешь? Ложись спать!

Нехотя и выждав, Тристан ответил:

– Не мешай, Гаро, я на военном совете.

Послышался вздох, полный возмущения. Военные советы

длится долго, как говорят.

– Какой еще совет за полночь? Спи давай! – шикнул Гаро.

Но в шатре из старого пледа решались судьбы. Спать было нельзя.

– Но как же, сэра, мы можем это исправить? – резонно спросил Тристан. Он совсем не представлял, как можно кого-нибудь оживить.

– Проще, чем кажется. Но для начала скажите, вы меня любите?

– Люблю, как самого верного из товарищей! – заявил Тристан. И ему показалось, что Ситцевый рыцарь выгнул наби-тую грудь колесом.

– Тогда нет никаких препятствий для нашей церемонии, – уверил его Ситцевый рыцарь. – Просто пожелайте, чтобы я был живым, и я буду.

Тристан бы и рад был остановиться, но игра его увлекла. Ну и поругали бы его наставники, узнай они, что он играет в магические ритуалы.

– Но я и так желаю. Не сомневайтесь, сэра, я бы хотел... – он не знал, как произнести это желание. Чтобы Ситцевый рыцарь ожил? Чтобы говорил сам? Чтобы превратился в человека?

– Так подарите мне душу, господин, – объяснил он.

– Как?

– Дайте мне имя, если Вам его не жалко.

Тристан задумался. На ум ничего не шло. Он знал его все-

гда таким.

– А что же вам Ситцевый рыцарь не по душе?

– Хорошее прозвище, зовите меня так, коли угодно, – сказал он. – Но вы всегда обращаетесь ко мне «сэр». Как рыцарю жить без имени?

Тристан улыбнулся, он вдруг все понял.

– Что ж, так имени мне для вас совсем не жаль. Вы будете сэр Трувер, Ситцевый рыцарь! – воскликнул он, отчего соседни по комнате заскрипели кроватями.

– Вы... Вы даете мне свое имя? – растеряно спросил Ситцевый рыцарь, и Тристан вдруг услышал совершенно чужой, мужской голос, совсем не похожий на свой, ребяческий.

– Вы живы! – прошептал ошарашенный Тристан. Он вдруг заметил, что тканевая фигура двигалась сама, совсем без усилий его пальцев. Он бережно положил его на подушку. И Ситцевый рыцарь закивал.

– Все так, господин мой, вашими усердиями, жив. И благодарен вам за имя ваше и вашей матушки, чьи одежды я на себе ношу. Я бы не смел мечтать о большем, чем вы одарили! – Тристану показалось, что Ситцевый рыцарь всхлипнул. Или шмыгнул носом, если бы его нос не был таким же набитым соломой и опилками, как он сам.

– Чудо какое, – определил происходящее Тристан.

– Я в благодарность теперь буду служить вам вечно. Примите мою присягу, господин!

– Чем же ты можешь мне послужить? – спросил Тристан.

Неожиданно игра для него закончилась. Но он был даже удивлен, как спокойно воспринял случившееся под пледом. Другой бы завопил, отбросил куклу, а, может, и с кровати слез.

– Что не спросите, на все получите ответ. Вы не смотрите, что я так невелик, что набит соломой и вооружен только терном. Я ведаю больше любого из ваших наставников. И теперь мои знания – ваши.

На беду проснулся Оркелуз, самый вредный и коварный из школяров, каких встречал Тристан. Как подобает добру и злу, они яростно друг другу противостояли. Оркелуз не то хрюкнул, не то хихикнул, а потом скрипуче позвал: «Эй, Гаро». Гаро решительно его игнорировал, но Оркелуз не унимался. «Эй, Гаро».

– Да ты-то чего не спишь? – возмутился бедняга, которому со всех сторон мешали уснуть.

– Гаро, а ты знал ли, что Тристан играет в куклы? – Оркелуз снова хохотнул.

– Молчи, дурак! – одернул его Тристан. В комнате было так пусто, что нечем было и швырнуть в наглеца. Разве что ботинком, но и тот мог улететь в окно.

– Я сейчас вас обоих к щелбанам приставлю! – пригрозил Гаро.

Оркелуз еще гоготал, но измученный Гаро, расположенный с ним по соседству, все же не выдержал. Оркелуз получил заслуженный щелчок по лбу, огрызнулся и замолк. И ес-

ли бы послушники не дулись друг на друга, драматично ворочаясь в койках, они бы услышали победное «Ха!» из-под одеяла Тристана. Но произнес его вовсе не он.

Глава I. Ягоды и корни

Орден пальеров был древнейшим на континенте. Его рыцари всегда служили самому сильному из монархов. А когда технический прогресс принес в мир череду революций, изменивших уклады во многих государствах, осталось одно королевство – Эскалот. Его нынешний король был человеком почитаемым и мудрым, но больным. К старости разные хвори, среди прочих, подагра, приковали его к столице. Больше прочих монарха мучила боль потери: он пережил трех своих наследников и волочил остаток века, изводимый горем и неопределенностью. Норманн II Удильщик был последним в своем роде. Он получил прозвище за любовь к рыбалке, часами мог сидеть у пруда с удочкой. В народе шутили, сколько, должно быть, законов и решений было принято на том берегу. Пальеры сохранили присягу последнему из королей. Однако их тоже терзала неизвестность. Новый мир несся на них бушующей техногенной и бунтующей человеческой стихией. И никто не знал, как люди, которые лучше умеют пользоваться мечами, нежели винтовками, выживут здесь и как останутся себе верны. В ордене состояли воины и ученые, вернее было бы сказать, что каждый рыцарь-пальер являлся и воином, и ученым. Большинство из них собралось в стенах их альма-матер – в замке Пальер-де-Клев. Здесь рас-

положилась и их резиденция, и библиотека (крупнейшая на континенте), и пансионат для ветеранов и инвалидов, неспособных больше нести военную службу, и школа, где обучали юных послушников. В школяры принимали только мальчиков из благородных семей, но далеко не каждые родители желали детям такой участи. Пальеры несли присягу и аскезу, намеренно отказываясь и от брака, и от карьерных амбиций вне Ордена. Они были не так успешны, как офицеры регулярных армий, не так алчны, как наемники, не так коррумпированы, как агнологи. Последние тоже были учеными, но скорее мировой корпорацией, занимающейся изучением явлений на стыке официальной и квазинауки – агнологии, «науки неизвестного». Пальеры презрительно о них отзывались, и нарекли «новыми колдунами». Вопросы магии и этой науки в Пальер-де-Клев были табуированы. Незачем рыцарям терзать душу суевериями. Мир извне был богат искушениями, чтобы желать чего-то поистине сомнительного. Все это Тристан знал – и про запреты, и про желание запретного. Когда послушнику исполняется шестнадцать, наставники начинают говорить с ним более душевно и одновременно строго. Так, по словам учителей, более тяжкое бремя то, что гнетет ум и совесть, а не тело. Тристан кивал и понимал, как ему не повезло. Покуда ровесники не да нет сбегали в деревню к девушкам, он донимал расспросами Ситцевого рыцаря и засыпал над кипой книг. Почему природа такова? Почему он таков? Какие обыкновенные вопросы для юноши шестнадцати

лет и как по-разному можно искать на них ответы. Может, и правда, было бы лучше отправиться за ними на ярмарку, а не в библиотеку. Конечно, за самовольные отлучки и наказание было соответствующим, в то время как за ученое усердие полагалась похвала. Но Тристана не покидало чувство, будто он готовится к какому-то ужасному преступлению, и что за него дают даже не розги, а высшую меру. Позорная казнь недостойного рыцаря – расстрел. Словно демонстрация бессилия слабого человека, предавшего традицию, перед оружием нового мира, которым в былые времена пользовались только трусы. Очень патетичная философия, так думал Тристан и все равно страшился. Ситцевый рыцарь был свидетелем, уликой и соучастником в деле, о котором Тристан не мог никому рассказать. Он четыре года носил секрет в себе, а своего болтливого товарища – в планшете из овчины. Эта трогательная привязанность к кукле, сшитой из материнской юбки, не добавляла ему мужества в глазах прочих послушников. Но Тристану было почти все равно. Почти.

Тристан стоял во дворе замка. Над его головой реял темно-зеленый штандарт с серой эмблемой Ордена: симметричным деревом, прорастающим вверх и вниз, роняющим плоды к корням. Девиз под ним гласил: «На смену друг другу». Первые солнечные лучи едва окрасили шпили на башнях в медовый цвет. Ясное небо слепило опухшие от сна глаза. Утренние зарядки нравились многим ребятам. Тристану же было тяжело пробуждаться в то время, когда всё вокруг еди-

ногласно, словно по сигналу, начинало бурную жизнь. Солнечный свет раздражал. Тело было непослушным. Птицы пели громко, не говоря уже о тренере, выкрикивающим команды и свистящим то и дело. Звук свистка был утренним испытанием. Тристан постоянно склонялся и морщился.

– Трувер, соберись и беги быстрее! – торопил его тренер. – Ты всех задерживаешь!

Тристан не был крепким и спортивным юношей, как большинство послушников его возраста. Кормили их хорошо, не вкусно, но плотно. Тристан тоже не имел недостатка в аппетите. Но силы ему это не прибавляло. Он был быстрым, жилистым, выносливым и упорным, а еще очень ловким. Но все эти качества просыпались в нем под вечер. Жаль ему было, что зарядку проводят не ночью. Вот сейчас он приседал тридцать четвертый раз и хотел упасть ничком.

– Закончили! – прогремел тренер. – Сейчас марш в душ, всем вымыть волосы, и поторопитесь. Цирюльник уже приехал. Налево! Бегом!

Когда Тристан скрылся с глаз тренера, перешел на шаг. Торопиться не имело смысла, он все равно придет к душевым последним. А еще он оттягивал момент, когда придется расстаться со своими волосами. Он любил темные локоны, хотя они то и дело свисали со лба и пружинили перед глазами. Тристан был уверен, что у его родителей, хотя бы у одного из них, были такие кудри. Он смотрел на себя в зеркало и представлял, какие черты достались от матери, а

какие связывали его с отцом. О Труверах ему не рассказывали ничего, кроме того, что они происходили из мелкого дворянства и что погибли в пожаре. Тристана же спасло то, что у его матери не было молока, и в тот роковой час его как раз забрала кормилица вместе с платьем, которое пообещала заштопать. Мальчику не досталось даже семейных фотографий. Поэтому Тристан не разлучался с Ситцевым рыцарем, берег свои волосы и вечерами смотрел в зеркало вовсе не из самолюбования. Черты его лица были единственным наследством, неброским фамильным серебром. Какой успокаивающей, баюкающей его тоску была эта мысль.

И все же Тристан в очередной раз лишился своих волос. Теперь все послушники были стрижены «под горшок» и узнавать друг друга издалека стало труднее. Сегодня на уроке сэр Мерсигер рассказывал о целебных травах и кореньях, которые могут спасти жизнь, если рыцарь оказался вдали от цивилизации. Так Тристан узнал, что стебли громового лука помогают очистить зубы и снять любое воспаление во рту, а пыльцу семия можно нюхать, чтобы быстрее уснуть.

– Не хочешь подышать пылью, а, Тристан? – ткнул его под локоть Гаро.

– Меня в детстве ею натирали, не иначе, – мрачно ответил он. Гаро ведь знал, что Тристан переносит утро, как сезонную болезнь.

– Но чудесными свойствами обладает корень струпки, – увлеченно повествовал сэр Мерсигер. – Он выглядит стран-

но: с середины он раздваивается, словно у него есть ножки. Пучок, видный над землей такого, видите, иссиня... хвойного цвета. Растет в долине при Гормовых холмах, кстати, одно из четырех мест на земле, где можно эти корни найти. Но они очень редкие, потому очень ценные. Один этот корень может исцелить до полусотни известных болезней, я уж не говорю, что он снимает практически любой болевой или воспалительный синдром. Его чудотворные свойства заключаются и в том, что очистив его от кожуры, вы можете заткнуть им глубокое ранение (а он достаточно длинный), и этим полностью остановите кровотечение в ране. Внешнее и внутреннее! Превосходное средство! Современная фармацевтика держалась бы только на одном этом корне, если бы не его редкость... Да. Сейчас мы подходим к самому главному.

Сэр Мерсигер расправил карту на доске и ткнул указкой.

– Вот места, где он может произрастать. Одно из них, видите, совсем близко. Буквально в полудне пути от замка! Говорят, его завезли сюда и высадили в холмах первые рыцари-пальеры. И я даю вам такое испытание: мы отправимся на его поиски.

Послушники поддержали идею одобрительными возгласами. Все любили пешие прогулки и походы в лес. Сэр Мерсигер улыбался, глядя на их радость. Но жестом попросил тишины.

– Приз за находку не менее ценен, чем струпка: нашедший

корень первым получит наречение!

Школяры зашумели громче прежнего, некоторые застучали кулаками по партам. Большая честь быть первым, кого произведут в рыцари, и большая возможность. Легенда гласила, что всякого такого рыцаря охотнее принимают на службу, что это высокое признание его способностей, что все послушники надеются заслужить право первого прикосновения Аграля – церемониального меча – своих плеч. И в Тристане взыграло тщеславие, но он знал, это только надежда. На деле струпку можно искать неделями и не найти ничего. Когда книги заменяют и подушку, и вечерних собеседников, теряешь много чаяний, основанных на вере.

– Отправляемся после обеда, едем верхом. Разбиваем лагерь и, по моим планам, останемся в холмах на ночь, – каждая его фраза раззадоривала ребят. – Вечером я дам старт, и вы отправитесь на поиски парами. От напарника не удаляться, обозначенную местность не покидать.

– Сэр, а почему вечером? Не легче ли искать струпку при свете дня? – спросил Оркелуз.

– Нет, увы, днем этот корень мимикрирует и умудряется прикидываться заурядной травой или кустом, – разочарованно ответил сэр Мерсигер. – Что ж, господа, если нет еще вопросов, жду вас после обеда у главного входа.

Позже в коридоре Гаро спросил:

– Думаешь, мы его найдем?

Тристан помотал головой.

– Думаю, что не найдем. Мерсигер просто хочет, чтобы эта вылазка имела какой-то смысл, и мы были заняты поисками, а не тыкали на спор ядовитых жаб палками на болотах.

После обеда у подъемного моста собрались сэр Мерсигер, послушники и их тринадцать коней. В классе Тристана учились двенадцать мальчиков от тринадцати до семнадцати лет. Вот Гаро-то и был самым старшим в их компании, высоким и крепким. Оркелуз был ровесником Тристана, все прочие одноклассники были младше. Несмотря на разницу в возрасте, акколаду, церемонию посвящения в рыцари, класс проходил вместе. Считалось дурным тоном, если школяра оставляли послушником в чужом классе. Поэтому младшим ребятам приходилось сложнее. Для молодых людей, не отмеченных военными заслугами и фронтовым опытом, было звание рыцаря-скваера.

– Я, кстати, вот этого не понимаю, – сказал Тибо, самый юный в их классе. – Это ведь просто звание внутри Ордена. Так-то мы все рыцари, верно?

Гаро с Тристаном усмехнулись.

– Верно, – ответил Гаро. – Только никому на службе не нужен рыцарь, который войну в глаза не видел.

– Есть ли пальеры, которые стали учеными? Ну, в смысле, остались учителями в школе после присяги?

– Ты что боишься ехать на фронт? – вмешался Оркелуз.

– Вовсе и не боюсь! – бойко заявил Тибо. – Я просто интересуюсь. Мне интересно!

– Не задирай его, – одернул Гаро. – Не волнуйся, Тибо, тебя все равно никто не отправит на военную службу, пока не станешь совершеннолетним.

До места доехали быстро, разбили лагерь, а когда распалили костер, в лесу уже стемнело. Сэр Мерсигер велел всем зажечь фонари, разделил класс на пары по принципу старший с младшим и велел расходиться. Это был не первый поход и даже не такой изнурительным, как в стужу. Едва подоспевшая к долине весна растопила снег, превратив в болота даже лесные тропы. Послушников приучали к тяжелым испытаниям зимними переходами через холмы и двухнедельному отшельничеству в лесной хижине. Для одних парней это была пытка, для других – блаженные дни тишины и безмятежности. После испытаний им всегда задавали писать эссе на тему их приключений и переживаний. Наставники говорили, что Тристан не самый бравый из послушников, но самый смиренный. А еще они говорили, что он мог бы стать поэтом – так необыкновенно цветист был его язык и так искренне мысли ложились на бумагу, будто плелись писаной лозой по бумаге. Тристан даже осознал, как у него это получается: он вовсе ничего не записывал в походе, только осмыслял события, находил названия своим чувствам и давал всему этому оценку. Наверно, только так и поступают поэты, а не ученые.

В напарники Тристану достался Тибо. Он был не то, что бы пугливым, скорее очень мнительным. И его болтовня сбивала Тристан с мыслей. Он щебетал своим еще не сломав-

шимся голосом всю дорогу.

– Давай договоримся, ты молчишь, а я рассказываю Мерсигеру, что ты все делал верно, вел себя храбро и вообще спас меня, вытащив из норы? – предложил Тристан.

– Тут есть такие норы, в которые можно упасть? – Тибо округлил глаза, Тристан же свои закатил.

Тибо все же принес ему охапку хлопот. Спустя четыре часа ходьбы по вязкой скользкой земле он набрал и воды, и грязи, и даже веток в сапоги, чем и стер ноги в кровь в семи разных местах. А теперь канючил.

– Вот ты бедолага, – устало выдохнул Тристан. – И бедолага, и дуралей. Ты зачем гетры надел, когда надо было портянки?

– Они у меня всегда сползают! – стонал Тибо.

– Что мне с тобой делать?

Тристан сжалился и не стал отправлять напарника обратно к сэру Мерсигеру. Вместо этого он нарубил хвойных веток и соорудил ему небольшое гнездо, в которое велел улечься и спать.

– Смотри мне, Тибо, – пригрозил Тристан. – Не найдется той силы, что спасет твои уши от меня, если по возвращению я тебя здесь не найду. Или если ты еще натворишь глупостей.

Тибо виновато кивал. Не то понимал свою ошибку, не то понимал даже больше и умело юлил. В одиночку Тристан шел быстрее. Он свернул с тропы и направился к Гормовым холмам, прорубая себе дорогу через густой лес. Но прошел

он недолго, из полевой сумки донесся голос Ситцевого рыцаря.

– Не туда идете, господин, если только Вам надо за корнем струпки, – проворчал он.

Тристан остановился, огляделся. Убедившись, что никого поблизости нет, достал куклу.

– Знаете, куда идти?

– О да. Струпка не любит солнце и ему всегда мало питья.

– Значит, надо идти к озеру? – спросил Тристан.

– Именно, господин, именно к Ворклому озеру! Милее места не придумаешь для этих кореньев, – закивал Ситцевый рыцарь.

– Как же его тогда среди холмов находили?

– Должно быть, старая плантация фей, – предположил он. – Но если ее всю перекопали, то новых струпков в холмах не появилось, будьте спокойны.

Тристан вспомнил карту и повернулся в сторону Ворклового озера. Он никогда не был в глубокой чаще леса. И пока он шел, кроны деревьев, устланные прошлогодней померзшей листвой, становились все гуще, а дорога – все темнее. Тристан напряг слух. Было странно, что безлюдный лес с его непугаными жителями такой тихий. Тристан слышал только свои шаги. Шлеп, шлеп. Не да нет, он переговаривался с Ситцевым рыцарем. Ему повезло больше: воценная кожа планшета укрывала его от сырости внешнего мира. Тристану же досталось худшее. Было душно от быстрого шага и влаж-

но в лесу, оттого влага его тела встречалась с капелью и моросью, пропитавшей одежду. Но Тристан знал, что ничем это не исправит и просто шел. Шлеп, шлеп, шлеп. И Ситцевый рыцарь запел. Он редко позволял себе подобное – обычно рядом с Тристаном могли оказаться незванные слушатели. Но во время походов и отшельничества Тристан узнал, что Ситцевый рыцарь имеет богатый репертуар: баллады, гимны, серенады и даже колыбельные.

– Кабы леди сжалилась, и меня пригласила в дом,

Когда муж ее, рогатый, спит глубоким сном, – мурлыкал на кабацкий мотив Ситцевый рыцарь.

– Дурные песни поете, сэр, – осуждающе сказал Тристан.

– А это хорошо, господин, что вы в них дурость разглядели, – весело отозвались из планшета.

В воздухе запахло застоявшейся водой и холодом сильнее прежнего. Озеро было близко. Тристан начал спускаться вниз по некрутому склону. Гладь воды мягко отсвечивала, и Тристан не знал, откуда оно берет свет, если не из своей глубины. А потом взглянул вверх. Сквозь ветви виднелась мозаика предрассветного неба.

– Светает, – прошептал он.

– Как и должно, – подтвердил Ситцевый рыцарь.

Тристан присел у дерева. Вдоль ветвистых корней пролегла трава – куцая, кучковатая, цвета горной хвои. Он достал топорик и взрыхлил землю.

– Вы были правы. Тут повсюду клубни.

– Чему совсем не стоит удивляться: ни струпке у озера, ни моей правоте, – недовольно заметил Ситцевый рыцарь. – А вам не следует быть жадным до чудес и наград. Выкопайте каждый седьмой, и этого будет достаточно.

Тристан никогда с ним не спорил. Причиной тому был его зрелый сиплый голос или отеческие интонации, но Тристан был согласен с любым советом соломенной головы. Провозившись час, он выкопал пять кореньев струпки, аккуратно потряхнул и, обернув в бинт, сложил трофеи в вещмешок. Он уже почувствовал, как одновременно заныли и запекли его колени. Сон подступал к нему, собирая на веках соль глаз, как утреннюю росу. Если он так просидит хоть минуту, точно уснет прямо на могучих ивовых корнях. Тристан уже собирался встать, но взглянул на берег озера. И не поверил глазам: фигура в чернильных одеждах стояла у края воды. Поверх шерстяного платья была наброшена накидка, словно бы из медвежьего меха. Он трижды сморгнул проступившие от усталости и бессонницы слезы, ожидая, что с ними по щеке скатится и видение. Но она стояла там. Тристан притих. Статная девичья фигура склонилась над озером. То, что Тристан поначалу принял за шаль, оказалось копной каштановых волос. Только передние локоны были собраны на затылке странной заколкой: не то из червленой меди, не то из высушенных трав. Пытливый взгляд Тристана добрался до истины. «Ежевика. Ягоды и листья ежевики». Прибрежная сыть скрывала ее ноги до колена, но Тристан был уверен, что

девушка ходит босой. Она выпрямилась и откинула пряди волос за спину. Они конским хвостом пролетели вокруг ее талии и соскользнули вдоль юбки. Тристан задержал дыхание, так боялся выдать себя, но тем самым только шумнее выдыхал и неравномерно втягивал носом холодный воздух. В груди все билось, стучало и металось, не отпущенное, не высказанное, перепуганное. Она что-то стирала в озере, а потом зачерпнула горсть и плеснула в лицо, растерев остатки воды по шее под высоким воротом платья, вторую – прополоскала рот. Тристан видел ее профиль с крупными, красивыми чертами лица: высоким лбом, подчеркнутым черными бровями взлет над большими глазами с такими же пушистыми ресницами. Кожа ее была белая, а губы – цвета разбавленного вина, и верхняя губа была более пухлой. Он смотрел на ее рот, потому что она что-то читала или пела, но так тихо, что Тристан этого не слышал.

– Беспечная затея – спать на берегу в такую погоду! – голос из планшета прервал самый лучший момент в жизни Тристана так беспардонно, что тот дернулся и почти подскочил, но от неожиданности присел обратно на одно колено. Однако было поздно, девушка его заметила и резко развернулась к нему лицом. Жизнь Тристана пронеслась перед глазами выпущенной пулей, такой же настоящей, какие, вероятно, летают на войне. Он так и смотрел на нее снизу вверх, они оба решали, что с этим делать. И она решила первой: девушка резво сорвалась с места и побежала в лес. Тристан,

сам не свой, оттолкнулся от мокрой земли и сделал несколько широких, неловких шагов. Заметив его неуклюжее преследование, она развернулась и крикнула: «Стой», – вскинув перед ним руку.

– Нет, пожалуйста! Я ничего тебе не сделаю, – Тристан боязливо поднял обе руки, словно на него смотрела не белая ладонь, а дуло винтовки.

– Смотри на свои сапоги, – отрезала она. И Тристан опустил глаза. Ее голос был не по годам низким, но звонким. Он был рад услышать его. Прикажи она Тристану утопиться в Ворклом озере, он бы пошел и утопился. Но она велела смотреть на сапоги. Судя по безмолвию Гормова леса вокруг, девушка уже убежала. А Тристан не сводил глаз с обуви. Тишину спугнул Ситцевый рыцарь.

– Занимательная сцена, но солнце уже...

– Молчите, – впервые перебил его Тристан. – Я запомню.

Глава II. О том, где искать сокровища.

Возвращаясь к Тибо, Тристан обогнул его с запада и подошел со стороны холмов. Но в этой путанице не было никакой нужды. Мальчишка, узнав о найденном сокровище, воодушевился не на шутку, однако, так же быстро и поник.

– Ты же не разделишь со мной славу, Тристан. Расскажешь сэру Мерсигеру, что я остался в лесу, а ты пошел в холмы.

– Я не сдам тебя, но и незаслуженных лавров ты не получишь, – ответил Тристан. – Я скажу, что ты шел рядом, и что мы устроили стоянку в холмах. А пока ты стряпал еду, я ходил за хворостом. Там струпку и нашел.

Тибо закивал. Такой расклад его устраивал. Все же сэр Мерсигер, выслушав Тристана, был так горд и рад за воспитанников, что отметил Тибо. Всю дорогу ребята чувствовали Тристана. В замок они вернулись после полудня, поэтому к ужину новость успела разлететься по школе. В трапезной Тристана встречали, как героя. Пять кореньев струпки – это истинный подвиг для последних рыцарей, которые служили и королю, и науке. Тристан был умен и больше молчал, слушая других, а только после заговорил сам. Так, узнав, где искали остальные ребята, он исключил эти места и выбрал

такое, в котором раньше бывал сам и которое мог описать. Списав молчание на усталость после похода, Тристан ушел спать и его, конечно, освободили от всякой службы перед отбоем. В спальне он лежал один в вечерней тиши, разбавленной пеньем птиц и редкими возгласами, доносящимися со двора Пальер-де-Клев. Но сон не шел. Тристан только сейчас понял, что его гложет невысказанная история. Если бы он рассказал, всем-всем рассказал про девушку на озере, возможно, кто-нибудь ему бы ответил, кто она. Может, ее видели в деревне. Может, она приносила молоко или масло в замок. Хотя она не была похожа на сельских женщин. Кем же она могла быть? Тристан рассуждал так: стоит искать самому, а не выдавать место. Явись туда целая делегация в поисках струпки, они точно ее спугнут, и Тристан больше никогда с ней не увидится. Этого никак нельзя было допустить.

– Понятно мне, о чем вы там думаете, – сказал Ситцевый рыцарь, которого он так и не достал из сумки.

– Я буду ее искать, – произнес Тристан. – Она же не явится к озеру на днях?

– Очевидно, не явится, – подтвердил Ситцевый рыцарь.

– Она не выглядит уставшей, растрепанной или крепкой, как девицы из деревни. И платье у нее такое... И это украшение в волосах... И сами волосы.

– Вот это вы, господин, простите, но из сумки я не разглядел.

Тристан пропустил колкость.

– Может быть и так, что она приехала с родней в эти места. Но где бы они тогда могли остановиться? Опять же или деревня, или пансионат, – рассуждал Тристан.

– В Пальер-де-Клев? С семьей? Вы что же, полагаете, она благородная дама? – заинтересовался Ситцевый рыцарь.

Тристан пожал плечами.

– Может быть, и дама. Только я ведь видел их только на картинах.

– А, так эти лет прошлых лет.

– Ну, – неуверенно начал Тристан. – Вообще она на них похожа.

Он вспомнил все черты ее лица, все изгибы фигуры, все жесты и несколько сказанных ею слов. Он так напряг память, что нахмурился. А потом резко сел на кровати и достал письменные принадлежности. Стоит записать все подробности.

– Да, поговаривают, леди отличаются белизной кожи, синевой вен, изяществом пальцев и минадалевидностью ногтей, – перечислял Ситцевый рыцарь. – Присущи ли вашей даме эти качества?

– Да, да, – писал Тристан. – Белизна, и вены, и пальцы вроде. Но ногти я не разглядел.

– Печально, господин. Ногти бы все решили.

Тристан впервые улыбнулся, покраснел и легонько шлепнул планшет самодельным блокнотом.

– Не ерничайте, – потребовал он, хотя и сквозь улыбку.

– Похоже, вы все решили, – прокряхтел рыцарь. – И на-

сколько же серьезны ваши намерения, как послушника палльеров?

Улыбка слетела с лица Тристана, как маска уличного жонглера. Действительно, стоит ему найти девушку с ежевикой в волосах, что он будет делать? Что он ей скажет? Зачем все эти усилия?

– Я просто хочу отыскать ее и узнать имя, – тихо ответил Тристан.

– А! Так все это ради знаний. Тогда хвалю вас и одобряю!

Тристан дописал слово «сапоги», поставил точку и убрал блокнот. Завтра ему положен выходной, и он начнет поиски в деревне. С этой надеждой он уснул быстрее, чем успел укрыться.

Утром он собрался быстро, окрыленный скорой возможностью начать поиски. В коридоре его нашел сэр Мерсигер. Наставник вручил ему конверт, советовал отдохнуть сегодня и похлопал по плечу. Тристан не сразу сообразил, а потому окликнул его, когда тот отошел.

– Простите, сэр, но здесь то, что я думаю? Здесь деньги? – просил Тристан, нагнав его. Он не решался раскрыть конверт при учителе.

– Да, ты заслужил купить себе в деревне то, что пожелаешь.

Тристан кивнул. Послушникам никогда в качестве поощрения не выдавали деньги, приучая к тому, что рыцарь не продает свою службу. Очевидно, инициатива принадлежа-

ла сэру Мерсигеру лично. Школяры могли скопить у себя несколько монет, когда их отправляли за покупками для аптеки и кухни. Сдачу наставники обратно не требовали и всегда давали немного больше предполагаемой стоимости. Уже по дороге в деревню Тристан заглянул в конверт: там было несколько ассигнаций. Пересчитав их, Тристан прикинул, что награды хватило бы на целый вечер в таверне с друзьями или на мед, булочки и яблоки впрок. О покупке вещей он и не помышлял, не имело смысла приобретать то, что нельзя хранить. Деревня шумела и манила рыночной кутерьмой, как в любой из выходных дней. Ряды прилавков в это время, особенно с приходом весны, всегда превращались в небольшую импровизированную ярмарку. Тристан зашел в самую известную в округе таверну, единственную с постоянным двором, под вывеской «Лисий хвост». Хозяйка – худая рыжеволосая женщина – стояла у барной стойки. Ее помощник, тавернщик тащил заказы из кухни. Столики были забиты под завязку. Прикинув шансы на успех, Тристан решил обратиться к хозяйке. Все же она заведовала гостиницей.

– Простите, мадам, – Тристан подошел к бару и немного замялся. Он никогда не посещал таверны без старших. – Здравствуйте!

Женщина оглядела его. При виде его школьной формы, она скучаяще отвернулась. Не без причины полагала, что послушники ничего не заказывают.

– Я бы хотел кое-что у вас спросить, – начал Тристан и

засмушался еще больше, когда к пустой стойке приблизился подвыпивший мужичок и попросил повторить.

– Не отвлекай меня, парень. Сегодня много заказов, – бросила хозяйка и потянулась за бутылкой рома, чтобы плеснуть в стакан мужичка.

Тристан кивнул и полез за деньгами.

– Я понимаю, мадам, и не хочу занимать ваше время. Но не могли бы вы мне налить... – он принялся лихорадочно читать меню, чтобы озвучить заказ, который ему позволено выпить, и при этом не выглядеть нелепо. – Сидр с грушей... В смысле, грушевый сидр.

Он впопыхах протянул ей ассигнацию с наименьшим номиналом. И все же она заметно удивилась, что школяр расплачивается не мелочью. Хозяйка отсыпала ему сдачу монетами и поставила кружку сидра на стойку. Тристан сел. Предположив, что молчание может затянуться и привести к неуместному любопытству его соседа, который уже почти осушил рюмку, Тристан обратился к женщине:

– Простите, мадам...

– Если перестанешь просить прощения, возможно, мы перейдем к сути твоего дела, – сказала она, деловито взясь с посудой.

– Да, я хотел спросить. У вас на днях не останавливалась семья с девушкой с такими длинными темными волосами, – он провел ребром ладони по своему колену. А потом заметил улыбку хозяйки таверны и услышал смешки мужичка. – Нет,

не подумайте, она моя родственница.

– Да? И как ее зовут? – спросила хозяйка. Тристан почувствовал жар на щеках. – Раз она родственница, ты же знаешь ее имя.

– Она дальняя... Кузина. Очень далекая кузина, – Тристан пожалел, что не придумал вопросы заранее.

– Ну, фамилию-то семьи ты знаешь? – женщина оставила чашки в покое. Мужичок рядом не то кашлял, не то хохотал. Тристан смотрел на дно бокала и мечтал утопиться в сидре, чтобы перестать испытывать позор. Он мычал несколько секунд.

– Мадам, они могут назваться фамилией, – он сам не поверил, что нашел оправдание своему невежеству. – Чтобы избежать гласности.

– Аристократы в моей гостинице? Я бы заметила. Скорее всего, они у вас в замке и остановились. Почему сразу там не спросил? – казалось, она даже поверила в байку Тристана.

– Я решил, сначала просить у вас, – ответил он и постарался выпить сидр очень быстро. – А вообще вы ее... их тут не встречали, в деревне?

– С такими длинными волосами? Не думаю.

– Ясно, – Тристан одним глотком допил сидр. – Благодарю! Всего доброго!

– Бывай, школяр, – посмеиваясь, сказала хозяйка.

Уже у выхода Тристан услышал беспардонные насмешки мужичка. Решив позориться до конца, он спросил у портного

и трех продавцов на рынке. Только в эти разы он представлял ее кузиной одноклассника, которого сегодня не отпустили в увольнение. Никто не видел ни одной леди, тем более, такой приглядной, какой описывал ее Тристан. У прилавка с выпечкой он встретил того, кого меньше всех хотел видеть.

– Кого принесло в нашу деревню! Сэр Тристан Пять Корешков! – Оркелуз театрально склонился.

– И тебе привет сэр Оркелуз Зеленая Зависть, – парировал он.

– Отбреживаешься, как ребенок.

Тристан молча прошел дальше по рядам, но Оркелуз не отставал. Если он его не прогонит, точно не сможет расспросить продавца в ювелирной лавке. Он был последней надеждой. Может, он продал эту заколку с ежевикой.

– Знаешь, в походе я обшарил все те места, о которых ты говорил. Там не было ни пучка струпки, если я пришел раньше тебя. И не было ни одной ямы, если пришел позже.

– Чего ты хочешь, Оркелуз?

– А что будет, если я выскажу свои сомнения учителю?

– Скажу, что будет, – предупреждающе начал Тристан. – Может, учитель пойдет туда и проверит. Может, поверит тебе и накажет меня. Но тебе влетит за стукачество. Давно не стоял на горохе или колени уже зажили? А потом еще мы с Гаро тебе поддадим, чтобы отучился уже язык распускать.

– «Мы с Гаро», – передразнил Оркелуз. – Достал прятаться за него! Возносишь товарищество...

– Потому что Гаро – лучший из друзей, а такого товарища, как ты, я бы не пожелал и врагу! – прервал его Тристан.

– Тебе повезло, что учителя в эти дни заняты приемом, иначе бы тобой занялись! – прошипел Оркелуз.

Тристан вмиг забыл о перепалке.

– Каким приемом?

– Всезнайке не доложили? Ожидаются высокие гости на нашем экзамене. Им предстоит увидеть, как я тебе наваляю...

– Да, наваляешь, – без интереса согласился Тристан. – А кто уже приехал?

– А чего ты так переполошился? Кого может ждать круглый сирота?

– Какой же ты гнилой, – разочарованно сказал Тристан.

– Только не расплачься посреди рынка, – сказал Оркелуз и, довольный тем, что довел соперника, оставил Тристана одного. Из сумки тихо послышалось: «Он напрашивается на дуэль». Но Тристан мотнул головой и прошептал: «Забудь». Высокие гости в Пальер-де-Клев. Тристан задумался, как бы выведать, нет ли среди них дамы. Но от изначального плана не отошел и спросил продавца украшений о странной заколке. Тот подобной никогда не держал. Тристан вздохнул и оглядел прилавок, надеясь найти подсказку. Вместо этого ему на глаза попало жемчужное ожерелье, что странность, по очень низкой цене. Жемчуг был пожелтевшим и неровным, но даже для него это было неприлично дешево.

– Простите, а почему этот жемчуг так мало стоит? – спросил Тристан.

– А! – махнул продавец. – Так там застежка сломана и две бусины надколоты. Может, кому пригодится, платье там расшить или в браслет переделать.

– Я его возьму! – воскликнул Тристан. Ему в голову пришла отличная идея.

Он опоздал на ужин и дожидался сэра Мерсигера у выхода в трапезную. Из зала вкусно пахло, а Тристан успел перехватить одну сырную лепешку и пару слив. Он старался не думать о еде, а перебирал шарики жемчуга у себя в кармане. Наконец наставник закончил ужинать.

– Сэр Мерсигер, можно вас на пару слов?

– Конечно, Тристан, говори! Как прогулка в деревне? – он был по-прежнему доволен и расположен к Тристану. Это было кстати.

– Что? А, прогулка прошла прекрасно, благодаря вам. Спасибо! Только я хотел спросить, не знаете ли вы, в Пальере на днях останавливалась какая-нибудь леди? – Тристан старался говорить непринужденно. – В пансионате?

– Леди? Да не должна была. А что? – наставник был озадачен. – Ты кого-то ждешь разве?

– Нет, сэр, кого бы я мог ждать, – Тристан полез в карман за ожерельем. – Сегодня у входа в замок я нашел это украшение. Вряд ли его носила одна из селянок, которые приходят с продуктами. Вот я и решила, что какая-то дама его об-

ронила.

Сэр Мерсигер улыбнулся, кивнул и забрал ожерелье.

– Ты очень внимателен, Тристан, ничего не скроется от твоего взора. Это хорошо, – сказал он, разглядывая жемчуг. – Но уже давно в замок не приезжала ни одна леди. Последний визит дамы был больше полугодом назад, и это была мать одного из младших школяров. Она и дня здесь не пробыла. Даже не знаю... Но я спрошу, может, кто-то из послушников или рыцарей обронил. Оно старое, поломанное, возможно, его хранили, как память.

Тристан разочарованно кивнул. Хотя ожерелье продавалось по уценке, он отдал за него почти все свои деньги. Но Тристан нисколько о них не жалел. Всего за один день он многое узнал: его дама остановилась не в деревне и не замке. Но тогда где?

Тристан пробрался в самое пустынное крыло и обратился к Ситцевому рыцарю.

– Сэр, мне вновь нужна ваша помощь, – позвал он куклу, до того неподвижную и словно бы вовсе не живую.

Ситцевый рыцарь театрально вздохнул, раздвиг складки на груди, и заговорил:

– Рад служить, господин!

– Вы были со мной весь день и знаете, я не нашел того, кого искал, – печально сообщил Тристан. Он ждал, что Ситцевый рыцарь ответит, но он молчал. Очевидно, ждал конкретного вопроса. – Помогите мне найти ее. Прошу вас. Я не

отчаялся, но не понимаю, где можно еще искать молодую девушку. Проездом она там быть не могла, трасса так далека от леса, а тем более от Ворклого озера. До ближайшего города три дня пути на машине, а верхом – и представить страшно.

– Хм, – протянул Ситцевый рыцарь. – Полагаю, что эта задача логическая: вот, ежели она не живет в деревне и не остановилась в замке, может случиться так, что она живет в самом лесу.

Тристан разочаровано покачал головой и потер лоб. Ситцевый рыцарь обыкновенно не выдавал глупых мыслей.

– Исключено, уверен в этом. Она не была похожа на женщину, вынужденную жить в лесу. И платье, и волосы, и кожа были чище, чем у жителей деревни.

– А кто, вы полагаете, может жить в глубокой чаще? – Ситцевый рыцарь говорил туманно, подталкивая Тристана к решению его задачи.

Тристан закатил глаза. Своды алькова не подкидывали ему идей.

– Отшельники. Обычно одиночки. Не знаю... лесник. Хотя не так глубоко в лесу. Да и не похожа она на дочь лесника.

– Думайте, – настаивал Ситцевый рыцарь.

Тристан улыбнулся.

– Ну... Ха! Феи, – ему было весело от этого предположения.

– Феи, – спокойно повторил Ситцевый рыцарь.

И улыбка замерла на губах Тристана. Он восторженно по-

смотрел на тряпичную куклу. Неуместный скепсис второй день водил Тристана за нос. Будь он любым другим послушником, он бы отмахнулся от суеверия, но у него на коленях сидела оживленная им игрушка и говорила самые мудрые в мире вещи.

– Она... фея? Она – фея! – воскликнул Тристан так по-мальчишески звонко, что голос его взлетел под своды замка и разлетелся пестрым эхом.

– Прошу вас, господин, говорите тише, – призвал его к порядку Ситцевый рыцарь. Хотя Тристан слышал, что и его старик улыбается, что и он рад.

– Да, да, вы правы. Как чудесно, что вы всегда правы! – ликовал Тристан. От избытка чувств он закрыл ладонь глаза, а второй рукой аккуратно, но крепко схватился за набитую соломой перчатку Ситцевого рыцаря. Он так ее пожимал. – Вы теперь обязаны рассказать мне, как ее найти. Вы знаете, я не сомневаюсь!

И безудержный восторг, и смысл слов тешили самолюбие старой куклы. Ситцевый рыцарь подбоченился и начал рассказ:

– Испокон веков было известно, феи – что благородные люди – изведавшие магии. Живут под покровом природного наследия и высших сил, скрываясь от простых смертных. Ни дать, ни взять, как элита общества! Оттого очень недоверчивы и пугливы. Сказки придали им облик маленьких демонов, но это ложь, что у фей есть иной нечеловеческий облик.

Впрочем, легенды родились не на пустом месте. Большинство их слуг, вправду, выглядят весьма и весьма причудливо. Их лепят из глины, вытесывают из камня, вырезают из дерева, – да много ли способов создать существо по своему подобию? А живут феи общинами. Самое большое и известное из таких поселений – в Гормовых холмах, там, где начинаются болота. Но найти его обычному человеку, которого феи к себе не приглашали, невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.